

внутрихозяйственного потребления и снизить нерегламентированную реализацию продуктов, сохранив тем самым объёмы государственных закупок сельхозпродукции [6, с. 94-97].

В условиях осложнения продовольственной проблемы во второй половине 1970-х гг. государственная власть обращает внимание на развитие животноводства в подсобных хозяйствах заводов и фабрик. В крае в рассматриваемые годы функционировало 310 подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций. Вклад подсобных предприятий в продовольственную корзину жителей края был достаточно скромным: в регионе они производили всего 1,2% овощей и 8,3% картофеля по сравнению с колхозно-совхозным сектором [7, с. 96-98].

В начале одиннадцатой пятилетки на юге Западной Сибири имело место сильнейшая засуха. Производство зерновых культур в крае в 1981-1985 гг. по сравнению с предшествующим периодом сократилось на 16%, закупки уменьшились на 1/5, план закупок зерновых был выполнен наполовину [5, с. 17].

Список использованной литературы:

1. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.). - М., 1975.
2. Народное хозяйство Алтайского края в 1966-1970 гг. Стат. сборник. Барнаул, 1972.
3. Итоги экономического и социального развития Алтайского края в 1971-1975 гг. Стат. сборник. Барнаул, 1977.
4. Итоги экономического и социального развития Алтайского края за годы десятой пятилетки. Стат. сборник. Барнаул, 1981.
5. Итоги экономического и социального развития Алтайского края за годы одиннадцатой пятилетки. Стат. сборник. Барнаул, 1987.
6. Орлов, Д.С. Кампания по ограничению внутреннего потребления продуктов питания в колхозах и совхозах Западной Сибири во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. / Д.С. Орлов // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2.
7. Орлов, Д.С. Подсобные хозяйства предприятий и учреждений Западной Сибири во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов / Д.С. Орлов // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2.

УДК 94(57)

ИСПОЛНЕНИЕ НАТУРАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ АЛТАЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Е.В. Почеревин, канд. ист. наук, ст. преподаватель
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина»
Россия, Алтайский край, г. Бийск
rev2@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности выполнения натуральных повинностей инородческим населением Алтая и принципы раскладки обязанностей между населением уезда. Автор приходит к выводу о том, что усилия инородцев к облегчению несения повинностей и стремление администрации к уравнительному их распределению достигли поставленной цели.

Ключевые слова: натуральные повинности, распорядительный комитет, инородческое население.

PAYING AGRICULTURAL DUTIES BY THE INDIGENOUS POPULATION OF ALTAI IN THE EARLY 20TH CENTURY

Ye.V. Pocherevin

Abstract. This paper considers the specific features of carrying out of agricultural duties by the mixed ethnic populations of Altai and the principles of the layout of responsibilities among the

people of the county. The author concludes that the efforts of foreigners to ease the imposed duties and attempts by the administration for equal distribution of the duties reached their intended goal.

Keywords: agriculture duties, Selection Committee, foreigners.

Одной из форм отношений общества и государства в начале XX в. в Российской империи была обязанность населения нести натуральные повинности. Как правило, они заключались в поддержании в должном порядке местных транспортных коммуникаций (содержание дорог, мостов, организация гоньбы и др.). Коренное население Алтая, называемое в документах указанного периода инородцами, также было включено в данную систему обязательств. Практику исполнения натуральных повинностей сибирскими инородцами исследовал Л.М. Дамешек [3]. Проблемы, связанные с поддержанием исправного состояния Чуйского тракта силами местного населения, были рассмотрены Т. С. Пустогачевой [4].

В связи со спецификой жизненного уклада и ведения хозяйства инородческое население имело свои особенности в исполнении натуральных повинностей. Например, проживание кочевого населения на приграничных территориях накладывало на него дополнительные обязанности. Так, в августе 1913 г. Кош-Агачской и Киргизской волостями Бийского уезда временно содержалось «четыре этапа гоньбы». В урочище Кош-Агач – четыре юрты, 12 лошадей и шесть рабочих; в Яныс-Тереке и Ташанте – по четыре юрты, шести лошадей и трех рабочих. Данная временная «линия» была создана по предписанию Бийского уездного исправника «для сопровождения почт, нарочных и разъездов» Новониколаевского военного отряда, прибывшего на учения [1, Ф. 185. Оп. 1. Д. 49. Л. 30].

В том же году крестьянским начальником четвертого участка Бийского уезда поднимался вопрос об обязанности кочевого населения Второй Чуйской волости возить нарочных-казаков за границу, в Кобдосское консульство. Данная повинность рассматривалась как крайне тяжелая для местного населения, кроме того, её исполнение явно выходило за рамки не только удовлетворения местных нужд, но и нужд уезда [2, Ф. 3. Оп. 51. Д. 167. Л. 24]. Следует отметить, что данные особенности были обусловлены скорее спецификой места проживания, нежели какими-либо иными причинами.

Как и жители крестьянских волостей, инородческое население ходатайствовало перед начальством об ослаблении тяжести исполняемых повинностей. Так, в декабре 1905 г. родовые старосты Комляжской и Кузенской инородных волостей просили освободить их от содержания паромной переправы через р. Бию между селениями Верх-Пьянковой и Кебезень. Указывалось на две причины: тракт, на котором располагалась переправа, соединял Троицкую и Керегжскую волости, следовательно, не обслуживал интересов волостей-просителей. Кроме того, сумма в четыре рубля, приходившаяся на одного «годного работника» была, по словам старост, «для кочевого инородца ... крайне обременительной» [1, Ф. 170. Оп. 1. Д. 513. Л. 67].

Администрация шла навстречу просьбам инородческого кочевого и оседлого населения, что видно из материалов работы Бийского уездного распорядительного комитета в 1910 г. Ряд сельский обществ (Быстрянское, Суртайское, Чепошинское) подали ходатайства об «уравнивании их в натуральных повинностях с другими обществами» и о снятии с них обязанностей по исправлению некоторых дорог. Комитет решил «принять во внимание при группировке по участкам» [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 48. Л. 15]. Усть-Башкаусское сельское общество просило о снятии «тяжести отбывания по Телецкому озеру подвод с Кырсая до Усть-Башкауса и исправлении дорог и приторов». Комитет постановил, ввиду наличия вокруг Телецкого озера «особой горной верховой тропы, доступной для проезда и отсутствия здесь земского тракта, переправу с инородцев снять». Тропу от Чуйского тракта до Телецкого озера обязал «привести в исправность», причем, в границах землевладения Чулышманского монастыря, она должна была быть исправлена на средства данного учреждения [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 48. Л. 16]. Уймонский волостной старшина высказывал просьбу «возложить расход, в половинном размере, по сооружению моста на р. Тюгурюк на кочевое население». Уездный

распорядительный комитет «уважил» данную просьбу постановил поделить расходы по данной статье поровну между русским и кочевым населением волости [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 48. Л. 18].

В отдельных случаях просьбы и ходатайства отклонялись по весьма уважительным и рациональным причинам. Так, в 1905 г. инородцы с. Тондошки, Кузенской инородческой волости просили Крестьянского начальника об оказании им помощи в отбывании междудворной гоньбы, удовлетворяющей нужды конкретного селения, путем содержания пары лошадей за счет всей волости. Однако, родовой староста в сопроводительном рапорте, понимая неосновательность просьбы, высказывался против «уважения их ходатайства», ввиду того, что всё население волости несет подобную нагрузку [1, Ф. 170. Оп. 1. Д. 513. Л. 69 об., 70]. В 1910 г. Улалинское волостное правление выступило с просьбой о распределении расходов, понесенных волостью на исправление мостов, содержание почтового отделения и т.д., на все волости третьего крестьянского участка. Ходатайство было отклонено Бийским уездным распорядительным комитетом, ввиду того, что подобные расходы являются обычными для всех волостей уезда [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 48. Л. 10].

Уездные распорядительные комитеты при разложении повинностей между населением уезда должны были стремиться к равномерному их распределению. Однако сделать это не всегда удавалось. В 1910 г., составляя расписание по несению повинностей на новое трехлетие, Бийский уездный распорядительный комитет разделил уезд на шесть районов – четыре крестьянских и два инородческих, причем дифференциация повинностей достигала очень больших размеров: от 5,87 руб. до 43,82 руб. на каждого «годного работника». Наибольшая нагрузка приходилась именно на инородческое население уезда [1, Ф. 198, Оп. 1, Д. 48, Л. 19]. Объяснения данной неравномерности основывались на доводах о том, что «уезд изображает из себя продолговатую территорию, протяженную с севера на юг более 600 верст» и поездки на дальние расстояния для «отбывания» повинностей привели бы к значительным расходам для населения. Кроме того, члены распорядительного комитета указывали на «чрезвычайное разнообразие» природы и рельефа уезда, следовательно, «характера хозяйства населения и его экономического благосостояния» [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 48. Л. 19-19 об].

Несмотря на это объяснение, данное решение было отклонено постановлением Общего присутствия Томского губернского управления в декабре 1911 г. именно из-за неравномерности расходов по отбыванию натуральных повинностей [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 59. Л. 26].

Новое расписание составлялось на заседании Бийского уездного распорядительного комитета в сентябре-октябре 1912 г. Комитет принял решение распределять повинности, учитывая не число «годных работников», а количество десятин земли. Опирались на «личное знакомство ... с условиями местного хозяйства, с качеством земельных угодий, с географическими и климатическими особенностями отдельных регионов уезда» члены комитета составили расписание повинностей на очередное трехлетие [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 59. Л. 36]. Было решено предоставить льготы инородцам, проживающим в горной местности. Для обложения их натуральными повинностями пять десятин надела были зачтены за одну, то есть, каждый инородец в пять раз был менее обременён повинностями, чем русское население. Кроме того, у инородцев излишки сверх нормы надела в 15 десятин, не были приняты в расчет [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 59. Л. 59].

Самой тяжелой для инородцев, особенно для кочевого населения, была обязанность по содержанию дорог, главным образом, Чуйского тракта. О невозможности содержать земские станции и дорожные участки на тракте, инородцы заявляли еще в 1904 г. Родовые старосты пятой, шестой и седьмой дючин, прося Бийский уездный распорядительный комитет об уменьшении повинностей, указывали, что «содержание в будущем земских станций Песчанской, Теньгинской и Онгудайской по району Алтайской волости ... и исправление дорожных каменисто-болотистых участков для нас, некультурных кочующих калмык-инородцев будет не только обременительным, но крайне разорительным» [1, Ф. 170. Оп. 1. Д. 513. Л. 61, 61 об.].

В 1908 г. подавалось ходатайство об освобождении инородцев первой и второй Чуйских волостей от исправления участка Чуйского тракта и верхового тракта протяженностью

в 215 верст (около 230 км). Комитет указал в своем постановлении, что для разрешения вопроса требовалась компетенция Томского губернского распорядительного комитета [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 48. Л. 16].

На заседаниях Бийского уездного распорядительного комитета в 1912 г. крестьянский начальник первого участка Стрельман высказал предложение возложить тяжесть обслуживания Чуйского тракта на население всего уезда. Так как кочевые дючины третьего и четвертого крестьянских участков, на которых лежала обязанность содержать Чуйский тракт, являлись, по словам чиновника, «малочисленным и экономически слабым элементом уезда». К тому же, тракт имел не только уездное, но общегосударственное торговое и военное значение [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 59. Л. 28 об.]. Уездный распорядительный комитет счел возможным возбудить ходатайство о «принятии Чуйского тракта на средства казны или хотя бы губернии, так как он обслуживает общие нужды торговли с Монголией, его исправление требует значительных сил и средств и обременительно для уезда» [1, Ф. 198. Оп. 1. Д. 59. Л. 29 об., 30].

Таким образом, можно увидеть, что практика исполнения натуральных повинностей инородческим населением Бийского уезда в начале XX в. имела свою специфику, однако вызвано это было особенностью места проживания. В ходатайствах инородческого населения об уменьшении тяжести повинностей использовались традиционные для всех категорий жителей уезда аргументы. Администрация при их рассмотрении руководствовалась рациональными взглядами, учитывала хозяйственно-экономические возможности населения и практические потребности организации местных коммуникаций. Достигнуть равномерного распределения повинностей между населением уезда было крайне затруднительно. Особенно высокие расходы, падавшие на инородцев, объяснялись их малочисленностью и низкой плотностью населения. Хотя Бийский уездный распорядительный комитет пытался объяснить резкую дифференциацию тяжести повинностей природно-экономическими факторами, Томское губернное управление выступало против подобного распределения обязанностей, вынудив уездный распорядительный комитет пересмотреть намеченное расписание повинностей. В результате чего инородцы получили значительные льготы, и ситуация была исправлена. Инородческое население уезда целенаправленно добивалось облегчения тяжести повинностей по поддержанию в исправности Чуйского тракта. Только когда данный тракт приобрел государственное значение, положение изменилось.

Равномерность и однородность исполнения натуральных повинностей обеспечивали не только социальную справедливость, но и выступали в качестве средства интеграции, поскольку это сближало различные этноконфессиональные группы внутри уезда и государства.

Список использованной литературы:

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК)
2. Государственный архив Томской области (ГАТО)
3. Дамешек, Л. М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период / Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2015. – Т. 11. – С. 51-57.
4. Пустогачева, Т. С. История развития путей сообщения в Горном Алтае в конце XIX начале XX в. / Т.С. Пустогачева // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – №4-2. – С.182-189.